

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ЗАВИСИМОСТЕЙ ОСНОВАННЫХ НА ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТАХ

Орлова В. В. - Доктор социологических наук, профессор, Томский
государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск

Современное российское общество является предметом пристального исследования социологической мысли, которая накопила определенные достижения в осмыслении процесса социальных трансформаций, изменений, связанных с институциональными, структурными, субъектно-деятельностными сдвигами, динамикой социального настроения и социального самочувствия населения.

Ключевые слова: зависимость, зависимое поведение, трансформация общества, девиантные модели

A STUDY OF CONTEMPORARY FORMS OF DEPENDENCY BASED ON SOFTWARE PRODUCTS

Modern Russian society has been the subject of careful study of sociological thought, which has gained some progress in understanding the process of social transformation, changes related to the institutional, structural, subject-deâtel'nostnymi shifts, changes in social attitudes and social well-being of the population.

Keywords: addiction, dependent behavior, transformation of society, deviant models

Социальная зависимость, интегрированная в социальную структуру российского общества, осмысливается как «периферийная» или имеющая социально транзитивные характеристики. Между тем, социальная зависимость влияет и на массовую социальную практику, и на отношение к социальным институтам, и на социальную самооценку, и на выбор идентификационных стратегий. Российское общество вступило в стадию социальной сегментации, когда социальная зависимость конституирует разделение социальных групп и по вертикали (элиты – низы), и по горизонтали (внутригрупповое и межгрупповое отчуждение, доходящее до социального обособления и исключения). При этом одной из наиболее масштабных форм зависимостей является зависимость основанная на различных программных продуктах: компьютерные игры, интернет, и др.

Зависимое поведение во многих случаях может быть формой духовного кризиса – бегством от действительности или поиском свободы путем «перехода» в иную реальность, в иное, измененное состояние сознания. Различного рода зависимости, в том числе и азартно-игровая, и интернет-зависимость, очень дорого обходятся обществу. Они исключают из членов общества активных молодых людей, мешают культурному и духовному развитию, лишают человека здоровых социальных потребностей. Параллельно с этим изменяется и система общественных отношений. Люди, работающие с информацией, организуют виртуальный офис в домашних условиях. При этом разрушается традиционный стиль и стереотип межличностного общения, характерные для любой профессиональной деятельности, при которых социальные отношения являются базисом, а информационная среда – только надстройкой. Происходит смена среды обитания современного человека, сопровождающаяся трансформацией сознания, эмоциональным отчуждением, десоциализацией, деструктивными изменениями поведения.

Последствия этих действий негативно отразились на самореализации молодежи, на выборе жизненных стратегий. Изменение содержания социализации в современном нестабильном обществе, выделение самореализации как основного ее содержания на этом отрезке жизненного пути тесно связаны с девиантными формами поведения.

Теоретический подход, связанный с анализом социальной зависимости, как органической солидарности, обозначен в работах Э. Дюркгейма. Субъективный, целерациональный аспект социальной зависимости обозначен М. Вебером, для которого социальная зависимость основывается на различии компетентности, закрепленной за индивидами. В работах Р. Парка, Т. Веблена социальная зависимость представлена как следствие социального дуализма, имущественных прав «праздного класса» и минимального социального влияния «промышленного сословия». В интерактивной

модели Дж. Мида социальная зависимость является «особым стандартизированным порядком», включающим контроль над поведением членов социальной общности путем «предписанного» социального принуждения.

Постклассическая социологическая мысль (П. Бурдьё, Э. Гидденс) определяет социальную зависимость в терминах социального пространства, социальной ресурсообеспеченности. В концепции П. Бурдьё социальная зависимость определяется различием социальных позиций, осознанных индивидами в социальном пространстве. Э. Гидденс характеризует социальную зависимость как форму социального отчуждения, неполное участие отдельных людей и групп в жизни общества. Речь идет о выталкивании целых групп людей из управления социальными институтами и формировании у людей настроений «социального одиночества»¹. З.Бауман связывает социальную зависимость с концепцией «индивидуализированного общества», которое под влиянием нестабильности и неопределенности социальной жизни трансформируется в состояние массовых страхов и неуверенности, стратегии отказа от социальных обязательств и идентификационного выбора. П. Штомпка исследует социальную зависимость как следствие асимметрии социальных отношений, нарушения баланса прав и обязанностей социальных групп как по отношению к обществу, так и на социальном микроуровне. Социальная зависимость относится к сфере социальных отношений, сущность которых не в социально-ролевом взаимодействии, а в воспроизводстве социальных различий, выступающих барьерами на пути достижения социальных отношений. Российская социология в исследовании социальной зависимости исходит из незавершенности рыночных преобразований, диктуемых интересами элитных слоев общества, ослабления потенциала у основной части населения России. Предлагаемая схема адаптации легитимирует социальную зависимость. Гуськов И.А.² выявил структурные, институциональные, диспозиционные условия социальной зависимости в российском обществе и их влияние на социальное самочувствие и социальные стратегии российского населения.

Можно сделать вывод, что, во-первых, социальная зависимость не концептуализирована в качестве самостоятельного социального факта, определяющего социальные и социально-экономические отношения в российском обществе. Во-вторых, замещение исследования социальной зависимости «пассивной адаптацией» уводит от существа проблемы. В-третьих, достигнутое понимание социальной зависимости явно недостаточно, чтобы определить динамику социального самочувствия россиян. В-четвертых, социальная зависимость в российском обществе системна, обладает негативным влиянием на динамику социальных преобразований и отношение к социальным институтам, выбор ценностных ориентаций и идентификационных моделей, что актуализирует рассмотрение социальной зависимости в контексте социальных и социально-экономических отношений в российском обществе.

Отражая ключевые социально-экономические преобразования в обществе, формы культурной девиации представляют особый интерес и нуждаются в пристальном внимании со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

В современных условиях новые формы общественных отношений обуславливают необходимость нового понимания проблем в сфере общественного сознания. При этом вопросы о природе и сущности девиации, о ее конкретных формах, индикаторах и механизмах регулирования со стороны общества продолжает активно обсуждаться как в

¹ Бурдьё, П. Социологи политики. - М.: Socio-Logos, 1993; Социальное пространство: поля и практика. - М., СПб.: Инст. эксперим. социологии; Алетейя, 2005; Социология социального пространства: пер.с фр. /Общ.ред.пер. Н.А.Шматко - М.: Институт эксперим-социологии; СПб.: Алетейя, Ист.кн., 2005. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. - М.: Агадем.просп., 2003; Социология: пер.с англ.- М.:ORSS, 2005.

² Гуськов, И.А. Специфика социальной зависимости на социальном уровне. - Ростов-на-Дону, 2008.

среде представителей органов власти, так и в научном сообществе. Существует известный перечень форм культурной девиации, традиционно разрабатываемых в мировой и отечественной социологии. Он включает преступность, пьянство и алкоголизм, употребление и распространение наркотиков и иных токсических веществ, суицидальное поведение; проституцию, сексуальные девиации, и в меньшей степени, остальные формы девиации, такие как, например, отказ от материнства и отцовства и тем более, азартные игры. Тем не менее, каждая форма девиации имеет свою специфику и способы социологического изучения и общественного регулирования.

Увеличение внимания к исследованию форм социальной девиации в начале 90-х гг. XX века было вызвано «перестройкой» российской экономики и «переходными» процессами в социально-экономической сфере (Афанасьев В.С., Балабанова Е.С., Банникова Л.М., Гишинский Я.Л., Голенкова З.Т., Галосенко И.А., Ичитханян Е.Д., Казаков А.Н., Казаринова И.В., Маликова М.Н., Рывкина Р.В., Салагаев А.Л., Стариков Е.Н., Феофанов К.А.).

Ряд исследований имели прикладной характер и были посвящены проблемным — «маргинальным» — социальным слоям и группам, представители которых «выпадали» из своего социального слоя и прежних форм общественного производства, утрачивали культурные ориентиры и потому были в наибольшей степени подвержены различным формам культурной девиации (Балабанова Б.С., Банникова Л.М., Гишинский Я.И., Голенкова З.Т., Завражин С.А., Ивин А.А., Ичитханян Е.Д., Казаринова И.В., Ланцова Л.А., Лунеев В.В., Кнухова Ж., Климова С.Г., Стариков Н.Н., Феофанов К.А., Хартанович К.В., Шур улова М.Ф.).

Отдельным направлением исследований является разработка психологических и социокультурных индикаторов различных девиантных процессов и форм девиации (Двойменный Н.А., Деларю В.В., Иванов В.И., Клейберг Ю.А., Ковалева А.И., Морковкина С.Г., Менделевич В.Д., Черкасова Р.С.).

Механизмы социальной регуляции культурных норм и девиаций также рассматриваются в ряде работ (Аванесов Г.А., Галкин А.А., Гишинский Я.И., Деларю В.В., Ионин Л.Г., Казаков А.Н., Клейберг Ю.Л., Кудрявцев В.Л., Феофанов К.А., Шипунова Т.).

Особое внимание заслуживает концепция игрового элемента культуры Й. Хейзинга. Опубликованная в 1938 г. в книге «Homo Ludens», она соединила в себе культуркритические и историографические воззрения ученого. Й. Хейзинга рассматривает игру в нескольких аспектах: как вид деятельности, как форму происхождения культуры, как обязательный элемент всякой культурной активности, как движущую силу развития культуры. Важно отметить отечественные исследования игровой зависимости, подтверждающие факт распространения игровых элементов в российском обществе³. В частности, это исследования С.А. Кравченко⁴, который предложил рассмотреть концепцию играизации как новую социологическую парадигму рациональности М.В. Придатченко⁵ описала, структурировала основные аспекты игры как социологической

³ См. Придатченко, М.В. Игра в современном пространстве смыслов // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Социальные науки; выл 1(6) - Н.Новгород, 2007, - С.116-127.

⁴ Кравченко, С.Л. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. - 2002. - №6. - С. 143-155.

⁵ Придатченко, М.В. Игра в современном пространстве смыслов // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Социальные науки; выл 1(6) - Н.Новгород, 2007, - С.116-127.

категории, определила ее статус в структуре современной социальной практики, выявила функции игры в социальном конструировании. Ю.В. Шепель⁶⁶ раскрыл социокультурные обстоятельства, формирующие азартно-игровую зависимость, определил пути социальной реабилитации игрозависимой личности на примере населения Эстонии. Обозначенные направления исследования социума и зависимости затрагивают глубинные проблемы взаимоотношений человека с окружающим миром, самим собой, другими членами социума.

Социальная трансформация общества привела к маргинализации социума. СМИ культивируют как положительные образцы социального успеха девиантные модели поведения и образа жизни (казино, азартные игры). В результате появилась и приобрела широкие масштабы игромания как форма зависимости индивида. Игромания является новой социальной проблемой, сложным междисциплинарным явлением. Условия возникновения зависимого поведения личности подразделяются на социальные и индивидуальные; социальные установки на ведение игровой деятельности и процесс формирования зависимого поведения осуществляются через проживание индивидуальной траектории. Механизмы зависимого поведения личности представлены идентификацией, самодетерминированностью личности, созданием личностных смыслов, экстерниоризацией; критерии зависимого поведения – объективный и субъективный; уровни зависимого поведения – индивидуальная траектория поведения, нормативная траектория поведения.

Зависимое поведение личности может осуществляться в различных диапазонах траекторий. Их можно классифицировать по трем критериям: в соответствии с областями социальной практики, в которых наиболее активно происходит его формирование. По критерию ведущей социальной практики можно выделить зависимое поведение в профессиональной или общественной деятельности, в семье, в освоении новых форм досуга. По критерию скорости протекания можно выделить традиционное зависимое поведение, соответствующее «нормативному» расписанию событий жизненного цикла; ускоренное зависимое поведение, определяемое высокой направленностью на достижения в игровой деятельности и неравномерностью протекания процессов формирования игровой зависимости в одной из областей социальной практики (чаще в досуговой сфере) в ущерб другим. По критерию самодетерминированности / навязанности игровая траектория зависимого поведения может быть выбором личности или навязанной ей средствами массовой информации (например, зависимое поведение через престижное потребление игровой продукции).

Игровая компьютерная зависимость не возникает из увлеченности, если на то нет причин в самой личности человека и в окружающей среде. К числу возможных социальных и личностных предпосылок мы отнесли дезорганизацию общества, неадекватный тип семейного воспитания, акцентуацию характера, преимущественно по шизоидному типу, и сопровождающие ее нарушения адаптации; нарушение отношений с окружающим миром.

Понятия культурной нормы и девиации в мировой социологии традиционно выступают объективным (хотя и относительным) критерием благополучности общества и отдельных его групп, являются важнейшими феноменами культуры и духовной жизни любого общества. Современные разновидности культурных норм и девиаций неотделимы от объективных социально-экономических процессов, отражая их специфику в различных социальных общностях. Игровая зависимость в большей степени характерна для имущественно, профессионально и культурно наиболее уязвимых социальных общностей,

⁶⁶ Шепель, Ю.В. Азартные игры как инструмент разрушения общества //Власть. 2007. - №7.

принимая в них массовый характер и вызывая еще большее разрушение культурных ценностей.

В условиях низкооплачиваемого труда и безработицы, фактически приводящих к обнищанию довольно широких социальных слоев, игровая зависимость (игромания) приобретает катастрофические масштабы, способствуя росту преступности и разрушению семейных, дружеских и профессиональных отношений. Возможности социальной регуляции деятельности по организации и проведению азартных игр не могут быть сведены исключительно к мерам запретительного характера. Данная социальная и социокультурная проблема требует более комплексных подходов, основанных на экономическом развитии регионов, создании новых рабочих мест, законодательном (в том числе территориальном) ограничении характера и возможностей игорного бизнеса.